

БЕЖАЛ С... ЭШАФОТА

Две эти женщины тяжело переживали смерть Бориса Савинкова, потому что хорошо знали его в жизни. Одна, совсем уже пожилая, Вера Николаевна Фигнер, революционерка, двадцать лет отсидевшая в Шлиссельбургской крепости, уже в эмиграции познакомилась со знаменитым террористом, когда его кипучая деятельность прервалась арестом, смертным приговором и побегом почти уже с эшафота за границу. Еще двадцать лет спустя, уже после своей трагической гибели в Лубянской тюрьме он ей вспоминался самым блестящим человеком, когда - либо виденным, необыкновенно умным, образованным, эрудированным юристом...

Второй была ровесница Савинкова Лидия Осиповна Дан, родная сестра одного из вождей российского меньшевизма Юлия Цедербаума-Мартова и жена другого лидера социал-демократов Федора Дана. С Савинковым она познакомилась намного раньше, задолго до того, как тот примкнул к боевой организации эсеров... В конце же двадцатых Лидия Дан с мужем давно были в эмиграции, вырвавшись туда после голодовки в Бутырской тюрьме. Брата Юлия уже не было в живых, еще два брата

оставались в России, их пока притесняли только ссылками (позже один из них будет расстрелян, а другой погибнет на Лубянке). Эмигранты жадно ловили вести с родины; тем драгоценнее была для Лидии Дан переписка с В.Н.Фигнер. Книга последней с восторженным отзывом о Савинкове вышла в конце двадцатых. Всколыхнула давние чувства, переживания, заставила высказаться. «С этим человеком, - писала Л.Дан, - я смолоду была очень тесно связана довольно сложным переплетом личных отношений,

равнодушной к нему я никогда не смогла стать, каким чужим он ни стал в последнее время».

... Весной 1902 года Борис Савинков, молодой социал-демократ, оказался в вологодской ссылке. Шел ему двадцать третий год, но он давно уже был женат на дочери писателя Глеба Успенского. Жил в Вологде по-семейному, с женой и детьми, Татьяной и Виктором. Именно у Савинковых, в доме Козина на Предтеченской улице, и поселилась молодая загадочная особа. Женой Дана она станет только через несколько лет; пока же паспорт на имя девицы Рашевской скрывал не будущую ее фамилию и не девицу - Цедербаум, а фамилию по первому мужу - Канцель. Для редакции «Искры», чьим разъездным агентом являлась, она была «Сестрой Пахомия», для конспирантов-подпольщиков - «Таней». Впрочем, всего этого не знала прислуга Савинковых, которую стали допрашивать вологодские жандармы после ареста «Тани» в Москве ле-

том того же года. Горничная Настасья звала ее «барыней», а нянька Агриппина - Лидией. Это «Лидя» уходила из квартиры каждый вечер, всякий раз закрывая лицо густой вуалью.

Из Вологды в заграничный искровский социал-демократический центр, возглавляющийся Плехановым, Лениным и «Пахоимом» - Юлием Мартовым, тогда еще единомышленниками, направлялись собранные «Таней» на конспиративных встречах в Вологде сведения о революционном подполье. Савинков сообщил о своем друге Иване Каляеве: «Хочет предложить услуги, согласен на все...» Довелось, видимо, побывать «Тане» и на одном из философских диспутов участием Н.А.Бердяева (вскоре покинувшего Вологду). «Сей малый, - писала она, - между прочим, пишет теперь что-то об этике,» - имелась в виду статья, напечатанная вскоре в знаменитом философском сборнике «Проблемы идеализма». Та же «Таня» связала с редакцией «Искры» воло-

годскую группу социал-демократов во главе с А.А.Богдановым-Малиновским...

Впрочем, вологодские жандармы могли выследить «Сестру Пахомия» еще в апреле, когда пришли к Савинковым с обыском. Арестовали другого постояльца - ссыльного студента, будущего знаменитого историка П.Е.Щеголева, но не прислушались к замечанию Козина, домохозяина, о непрописанной жилищке. По достоинству зато оценил его рвение сам Савинков - придя в гнев, отругал Козина и тут же съехал с квартиры. Вскоре семья Бориса Викторовича поселилась в доме костела на Галкинской. Часто там бывал будущий писатель Алексей Ремизов и оставил о том времени окрашенные художественной фантазией воспоминания. Но именно в Вологде друзья по-разному решили для себя главный раскольнический вопрос о возможности принесения в жертву чужой жизни, что и развело их судьбы в разные стороны.

«Мне кажется, я его очень хорошо знала, особенно потому, что знала его еще в то время, когда он был самим собой, не носил никакой личины, так что проще и легче было добраться до его «сути», - писала Лидия Дан о Савинкове почти тридцатилетия спустя. Нет, она не соглашалась полностью с восторженной характеристикой, данной ему Верой Фигнер. Но...«столько шарма, сколько было отпущено этому человеку, я, пожалуй, другого такого не знаю. Я его знала еще, когда он был и умел быть и мягким, и вдумчивым, и честным».

Чем же объясняла себе и своему адресату перемену в душе и характере Савинкова сама Лидия Дан? Чисто по-женски: влиянием... другой женщины! Знаменитой русской поэтессы, литературного наставника Бориса Викторовича, подготовившей к изданию рукописи его литературных сочинений.

«Вот уж, истинно, ласковая кобра! Она многое в нем сгубила...» Переписка двух почтенных дам с революционным прошлым вскоре прекратилась. Железный занавес становился все непроницаемее...

Леонид ПАНОВ.